

ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦЯ

◆ ЩОБ ПАМ'ЯТАЛИ

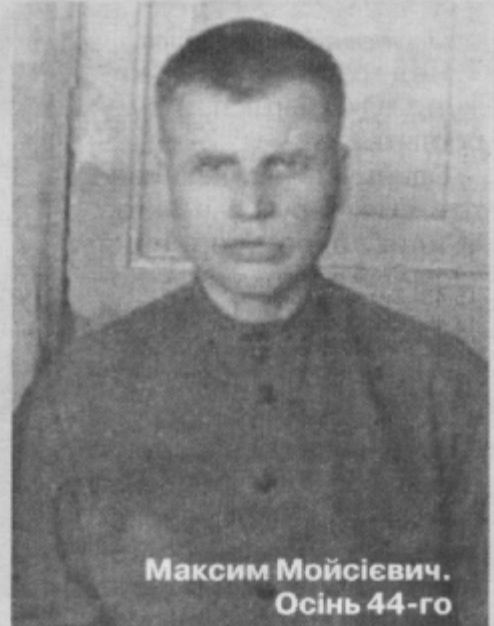
Перебираючи сімейний архів, вже вкотре наштукуюсь на пожовклий від часу зошит із надписом “Жизнь и события”. Це нотатки про життєвий шлях мого дідуся Мойсієвича Максима Михайловича, писані його власною рукою. Чимало сторінок цього своєрідного щоденника присвячено подіям Великої Вітчизняної війни, безпосереднім учасником яких і був сержант 245 гвардійського стрілкового полку 3-го Білоруського фронту Максим Мойсієвич. Він повернувся з війни восени 1946 року. Інвалід I групи. Нагороджений орденом Вітчизняної війни II ступеня, медалями “За бойові заслуги”, “За взяття Кенигсберга”, “За победу над Германией”. Помер 15 травня 1983 року.

Напередодні 70-річчя Великої Перемоги сторінки сімейної реліквії повертають нас у часи грізних воєнних подій.

Подається мовою оригіналу.

“...Первое боевое крещение я принял за оборону Пскова. Псков не вдержали и приказ был оборонять Полоцк, чтоб укрепился Ленинград. В Полоцке были тяжелые бои, несколько раз город переходил из рук в руки, и наконец не вдержали Полоцк, и отошли на Пулковские высоты, и там закрепились. Немцы рвались, чтоб овладеть плацдармом Пулковских высот. Фельдмаршал Буш кричал в рупор: «Русь, здавайся! Завтра буду на площади Кирова принимать парад своих войск». Но так и не пришлось фельдмаршалу Бушу побывать на площади Кирова. Наши доблестные воины выдержали все трудности, перешли в контрнаступление и враг не выдержал начал отступать и мы начали освобождать города и села свои. 1 августа 1944 года освободили город Каунас, начали продвигаться к фашистской Германии

дем. Но я не согласился на это. Говорю: никому не верь, что говорят. Сейчас же могут сказать в атаку и пьяные погибнем ни за что. Так и получилось. Через двадцать минут послышалась команда: «В атаку!» Как услышали этот голос и все как двинулись с криком «Ура! Гитлер разгитлер.» Я – короткие выстрелы и движусь вперед, а немец не стреляет, подпускает ближе. Подпустил на половину нейтральной полосы, а потом как трахнет со всего своего оружия – так все залегли: кто убит, кто раненый. И моего товарища Алимова ранило в ногу, разорвало колено разрывной пулей. Я ему помог, перевязал и говорю: “Ползи назад, там тебя санитары подберут”. А сам смотрю откуда бьет станковый пулемет. Навел своего «максима» и давай кресать огнем и засек его пулемет. И вижу, выходит его фердинанд на прямую наводку. Я

Максим Мойсієвич.
Осінь 44-го

этому не верил, потому, что были такие боли, что места себе не находил, белый свет не милый был. Я думал, чтоб увидеться с детьми, тогда и умереть. Но я выдержал. Боли улеглись, стал поправляться, почувствовал силу и начал пробоваться становиться на ногу помаленьку, нога начала держать. Люди ходят на костылях, а мне так завидно, а я не могу попробовать. Взял костыли и упал, разбился. Началось сильное кровотечение. Врачи начали кричать, что я вредительством занимаюсь, что надо лежать, тебе все поднесут. Вот так я мучился, терпел невыносимые боли. Потом раны зажили и опять сделали операцию, чтоб можно было надеть протез. И я стал учиться ходить на протезе. Я многое пережил: и боль, и холод, и голод. Приходилось по пять суток ни есть, а оборону держать надо: чуть прозевал и гибель. И держали и выдер-

гаться к фашистской Германии - Восточной Пруссии. Начали занимать города Гумбинин, Гольдаб, Истенбург и дошли до столицы Восточной Пруссии Кенигсберга. И тут были тяжелые бои. Каждый метр земли стоил кровопролития. Я был на 3-ем Белорусском фронте, которым командовал прославленный полководец Черняховский Иван Данилович. Помню, как Иван Данилович проходил по окопам в солдатской куфайке и в шапке ушанке, проверял оружие. Пришел ко мне и спрашивает, как твой пулемет действует. Я говорю: "Хорошо действует, безотказно". Он посмотрел и говорит: "Можно попробовать?" Я заложил ленту с патронами, показал в каком направлении неприятельский пулемет и он туда выпустил очередь и говорит: Выношу благодарность за хорошее содержание пулемета". И пошел дальше по траншее.

26 января 1945 года, в районе Кенигсберга, в 3 часа дня мы сошлись в рукопашный бой с врагом и мы одолели врага, и начали контратаку. Бои шли целую ночь, мы взяли 5 населенных пунктов. С рассветом нажарили картошки, втроем выпили поллитры, заняли оборону, лежим себе покуриваем. А все солдаты и офицеры выпивши, начали говорить, что наша дивизия отправляется в Москву. Мой товарищ Алимов приносит еще поллитры спирта. Давайте, говорит, выпьем, наша дивизия отправляется в Москву, в бой не пой-

динант на прямую наводку. Я хотел сменить место, отползти, потому, что будет бить по мне, чтоб уничтожить пулеметную точку. И только услышал шум снаряда, а потом не знаю, что было со мною, но знаю, что все это случилось 28 января. Пришел я в сознание 18 февраля. Помню, паровозные гудки гудели и кто мог утекал с госпитального помещения. Подняли панику, что самолеты бомбят. А начальник госпиталя стал на дверях и приказал: «Ни с места!» и начал рассказывать почему гудят гудки. От ранения умер командующий фронта Черняховский Иван Данилович, фронт понес тяжелую утрату. Я тогда был в тяжелом состоянии, лежал как чурбак без ноги. И начали меня возить-носить с госпиталя в госпиталь. Перевезли с Германии в Литву, в город Каунас, эвако-госпиталь. Там я пролежал до весны. А в апреле сформировали санитарный эшалон и отправили в глубокий тыл на лечение. И началось лечение-мучение. Пять раз оперировали. Вспоминается какие переносил муки и боли и думаю: какой человек сильный! Что он может выдержать! Как стал поправляться, садиться на койке, пробовать становится на ногу, держась за койку. Но нога не держала, подгиналась. Я тогда думал, что никогда не стану. Но меня начали запевнять, что я еще буду ходить. Говорили, что залечат раны и я буду ходить на костылях, а потом сделают протез. Но я

гибель. И держали, и выдерживали. Наше дело правое, мы победили, враг разбит... Люди сейчас добре живут и думаю, что все так и было. Нет, надо было это все кровью взять, не жалея самого дорогого – жизни, а жизнь один раз дается человеку и так ее надо прожить, чтоб умирая мог сказать: вот это я сделал в память своего поколения.

Я демобилизовался из госпиталя в 1946 году. Привезли меня на станцию в Домбровицу. 3 Домбровицы меня привезли в мой район у Высоцк, а с Высоцка на попутных подводах приехал в родное село Бродницу. Но села не было. Немцы сожгли. Старушка мать умерла. Осталась семья – жена с детьми. Хаты не было и я мечтал, как бы сделать хату, чтоб было где притулить голову. Но силы не было, не было денег и хлеба тоже. Меняшибал страх, боялся, чтоб дети не голодали. Но как то Бог дал средство. Люди помогли, вывезли лес, построили хату. Я много времени проводил в госпиталях Киева и Львова. Тяжелое было лечение, такое, что даже врагу не пожелаешь. Я многое пережил. Весь военный период под открытым небом: и снег, и ветер, и дождь. Нигде под крышей не был, а все на дворе и в земле. Вспоминаю, как мы сидим в открытых ямах, а дождь мелкий моросит, как засыпают нас из пулеметов. Мы смотрели смерти в глаза, и боролись с ней, и одолели..."